

А. М. РУМЯНЦЕВ, Возникновение и развитие первобытнообщинного способа производства. Присваивающее хозяйство (Политико-экономические очерки). М., «Наука», 1981, 262 с.

В рецензируемой книге анализируются становление и первый этап развития первобытнообщинного способа производства. В советской экономической литературе это первая монография, специально посвященная политико-экономическому исследованию проблем так называемого присваивающего хозяйства. Уже это обстоятельство во многом определяет ее достоинства и недостатки, масштабы тех задач, которые поставил перед собой автор. Рассмотрение этих проблем тем более важно потому, что в социально-экономической структуре современного мира сохранились еще страны, в которых пережитки докапиталистических отношений являются объективной реальностью.

Монография — итог многолетнего комплексного исследования акад. А. Румянцева. В ней использовано около 300 специальных работ по экономике, антропологии, археологии, этнографии. Несомненным достоинством книги является бережное отношение к богатому наследию К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, широкое использование их положений по проблемам первобытнообщинного способа производства.

Комплексный характер исследования проявляется, прежде всего, в том, что автор анализирует все сферы присваивающего хозяйства (охоту, рыболовство и др.), а также распределение, обмен деятельностью и потребление. При этом он не ограничивается изучением только производственных отношений, хотя этот вопрос, конечно, самый сложный, но и рассматривает природные предпосылки, особенности развития производительных сил, соотношение инстинктивного и сознательного в производственной деятельности первобытных людей.

Работа состоит из предисловия, введения, четырех очерков и библиографии. Во введении показано, как экономические закономерности первобытного общества исследовались основоположниками марксизма-ленинизма. Комментируя Энгельса, А. Румянцев выделяет три момента, которые определяют основные особенности исследования первобытнообщинного общества. «Во-первых, оно — исходный пункт становления человечества, выделения человека из животного мира; во-вторых, в этот начальный период первобытное человечество преодолевает такие трудности, с которыми в будущем ассоциированные производители уже не будут больше сталкиваться... в-третьих, этот период — первооснова, с которого началось дальнейшее развитие общества» (с. 16). По нашему мнению, во введении целесообразно было провести политико-экономический анализ и дать оценку современной этнографической литературе — как зарубежной, так и советской.

В первом очерке исследуются природные предпосылки становления человека-работника, процесс перехода от обезьяны к человеку, соотношение инстинктивного и сознательного в производственной деятельности первых людей, характеризуются основные ступени развития «телесной организации» человека.

Предпосылки первобытного способа производства, считает автор, «следует искать в естественном развитии самого человека и среды его обитания» (с. 30). В данном разделе он акцентирует внимание на аналогии становления человека преимущественно в плане антропогенеза, становлению же ассоциации производителей отводится гораздо меньше места. При этом четко разграничен теоретический и эмпирический уровни исследования. В теоретическом плане выделяется ряд моментов, имеющих важное значение для развития политической экономии первобытнообщинного способа производства. К их числу следует прежде всего отнести концепцию двух скачков: переход от обезьяны к обезьяно-человеку и от него к людям современного физического типа (с. 60, 62).

В литературе при оценке эмпирически^{4*} материала, который используется в работе, имеются существенные расхождения. Автор избрал «главными героями» данного очерка австралопитеков (с. 36—84), а не ариан-тропов (питекантропов, синантропов и др.), палеантропов (неандертальцев) и ранних неантропов (кроманьонцев), который посвящен лишь последний параграф (с. 84—88). Но, как считают специалисты, австралопитеки... были

не людьми, а животными, хотя и очень своеобразными, отличными от всех ныне существующих животных»¹.

К сожалению, в первом очерке автор не "уделил, достаточного внимания такому фактору, как производство самого человека, продолжение рода, анализу возникающих в связи с этим отношений. Он, правда, говорит об этом в дальнейшем (см. второй очерк). Однако становление человека означало одновременно и становление производственных и всех общественных отношений. Поэтому необходимо, на наш взгляд, генезис таких отношений между людьми исследовать вместе с рассмотрением антропогенеза, а не отдельно от него. Как известно, основоположники марксизма-ленинизма придавали производству самого человека большое значение в становлении родового строя². Иначе говоря, роль орудий труда в изменении общественных порядков возрастает, отодвигая естественные факторы становления человека на второй план.

Во втором очерке характеризуются развитие производительных сил и формирование первоначальных производственных отношений. Безусловный интерес вызывает у читателей раздел, в котором выявляется диалектическая взаимосвязь между численностью первобытного человеческого сообщества и размерами его «кормовой территории». «Пока единственным средством передвижения первобытных производителей были только их естественные органы — ноги,— пишет А. Румянцев,— пока результат их труда зависел от их примитивных производственных возможностей — от физических возможностей их организма... от качества их ручных орудий труда и одновременности их использования... до тех пор кормовая площадь каждого первобытного сообщества с присваиваемым хозяйством не могла по своему размеру выйти за границы возможного дневного передвижения членов сообщества в процессе собирательства и охоты (от стоянки и обратно). Это объективно обусловленная мера осваиваемой каждым первобытным сообществом кормовой площади. В свою очередь, эти же условия соответственно определяли и величину самого первобытного сообщества...» (с. 122).

В данном разделе рассматривается способ соединения рабочей силы со средствами производства в первобытной общине, даются определения основного экономического закона и цели первобытного способа производства. Автор стремится раскрыть роль основного экономического закона в жизни первобытного общества, его связь с другими законами, в частности с законом возвышения потребностей — общеисторическим законом, действовавшим и на заре человеческого общества.

Вместе с тем надо отметить, что приводимая в книге формулировка основного экономического закона могла бы быть в дальнейшем уточнена путем более четкого разграничения цели и средств, воплощающих основное производственное отношение первобытной общины. Целесообразно было бы подробнее раскрыть понятия «обобщенная жизненная потребность» и «прямое обеспечение».

Во втором и в третьем очерках раскрывается экономическая структура первобытного способа производства. При этом выделяются четыре «блока»: отношения собственности (с. 102), отношения обмена деятельностью (с. 140), отношения распределения и отношения потребления (с. 181).

Здесь нам хотелось бы сделать ряд замечаний. Во-первых, исходный блок (отношения собственности) предшествует анализу производственных отношений. Более того, отношения собственности раскрываются не через систему производственных отношений, а выступают как бы связующим звеном между производительными силами и производственными отношениями. Отношения собственности (с. 94—102) характеризуются до (и вне!) способа соединения производителей со средствами производства (с. 124—132).

¹ «Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное». М., «Наука», 1981, с: 37.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25—26.

Но это противоречит и методологическим установкам самого автора, согласно которым «собственность появляется и осознается людьми только в производстве как его условие я через производство, в реальной трудовой деятельности человеческого стада, а не в предварительных умственных представлениях его членов» (с. 101), и содержанию проведенного им анализа, результаты которого доказывают опосредованность отношений собственности на землю отношениями коллективизма, принадлежности к стаду, роду, то есть отношениями, связанными с производством самого человека, продолжением рода (с. 101 — 102).

Во-вторых, при таком подходе отношения непосредственного производства попадают в третий очерк, посвященный обмену деятельностью, распределению продукции и потреблению. Происходит растворение ядра системы во всей совокупности производственных отношений, а в рамках этой совокупности отношения производства сводятся к отношениям обмена деятельностью, что отнюдь не бесспорно.

В третьем очерке обосновывается ряд оригинальных положений, заслуживающих самого пристального внимания специалистов. В частности, ставится вопрос о структуре производства средств существования в далекой древности. А. Румянцев приходит к выводу о том, что соотношение продуктов растительного и животного происхождения в рационе австралопитеков было 8,5:1,5 (с. 149).

Интерес у читателя, несомненно, вызовут анализ величины и структуры рабочего дня, обоснование необходимости так называемого добавочного труда в пользу нетрудоспособной части первобытного сообщества (с. 164—168), хотя гипотеза автора о 8-часовом рабочем дне членов первобытного общества (с. 168) нуждается, на наш взгляд, в дополнительной аргументации. Впервые в советской экономической литературе применительно к первобытнообщинному способу производства поставлена проблема производительного труда (с. 168—170), однако рассматривается она не с социально-экономической, а главным образом с технико-экономической точки зрения (с. 170—176).

В четвертом очерке анализируется процесс воспроизводства первобытного общества, а также характеризуются личная собственность и межобщинные связи. А. Румянцев в полном соответствии с выдвинутой

Энгельсом точкой зрения, согласно которой история развития первобытнообщинного способа производства делится на две стадии — на стадию присваивающего хозяйства (охота, рыболовство) и на стадию производящего хозяйства (скотоводство и земледелие), — считает, что отличие первой стадии от второй заключается в том, что «в присваивающем хозяйстве люди своей деятельностью не увеличивают производство продуктов природы, не воспроизводят последние. Готовые продукты природы произрастают без участия людей. Потребляемые последними готовые, продукты природа производит сама, в естественном порядке, в том самом виде, в каком они были ею созданы без каких-либо изменений в их свойствах как данного продукта» (с. 26—27). Таким образом, воспроизводство выступает как отличительная особенность второй, а не первой стадии.

Оценивая монографию, надо отметить, что в ней поставлены важные проблемы, указаны направления их разработки. Этим автор вносит важный вклад в создание научной системы категорий и законов первобытнообщинного способа производства и в развитие политической экономии в широком смысле слова.